це концов, возвращение к вину после лечения водой иронически травестирует тот самый принцип равновесия во всех сферах жизни, который, как было принято в общем мнении, и составлял необходимое условие счастья.[41]

Е. В. Кардаш

этом упоминается, например, в путеводителе Пьера-Жозефа де ла Пимпи-Солиньяка: «Les Allemands en général retirent peu de fruit des Eaux qu'ils vont boire à Schwalsbach, et il n'est pas difficile d'en pénétrer la raison. Les hommes de toute condition y observent peu de régime et boivent beaucoup de Vins...» (*La Pimpie Soligнac P.-J. de*. Amusemens des eaux de Schwalbach: des bains de Wisbaden et de Schlangenbad: avec deux rélations curieuses, l'une de la Nouvelle Jérusalem et l'autre d'une partie de la Tartarie indépendante. Liège, 1738. P. 23; перевод: «Немцы в целом извлекают мало пользы из вод, которые они приезжают пить в Швальбах, и причина очевидна. Люди, независимо от состояния, почти не соблюдают режим и пьют много вина...» (*франц.*)).

[41] Ср., например, рассуждение в подобном духе: «Je ne mettrai pas ici en opposition les buveurs d'eau et les buveurs de vin, pour savoir si les uns vivent plus long tems que les autres, s'ils sont moins assujettis à des indispositions, s'ils jouissent plus constamment d'une bonne santé: ces questions agitées depuis long tems ont été assez examinées par des Savans qui se sont accordés à avancer que l'excès de ces deux boissons étoit également dangereux...» (Bibliothèque physico-économique, instructive et amusante. Paris, 1788. T. 1. P. 194; перевод: «Я не стану здесь противопоставлять пьющих воду пьющим вино, чтобы выяснить, живут ли первые дольше, чем вторые, подвержены ли они недомоганиям в меньшей степени, наслаждаются ли они крепким здоровьем с большим постоянством: эти вопросы, обсуждавшиеся на протяжении долгого времени, уже достаточно исследованы мудрецами, которые пришли к единому заключению, что излишнее потребление обоих этих напитков в равной степени опасно...» (*франц.*)).

«ПИР ПЕТРА ПЕРВОГО»: ПОСЛЕДНИЙ «УРОК ЦАРЮ»?

«Петровский текст» оказался для Пушкина чрезвычайно неудачным: «Стансы» подорвали пушкинскую репутацию в его окружении; «Полтава» не имела успеха у читателей; «Медный всадник» был цензурован царем таким образом, что поэт отказался его печатать; «История Петра» также была не пропущена в печать уже после смерти автора. В 1840 году император Николай I не позволил публиковать текст пушкинских «Материалов», поданный ему В. А. Жуковским на рассмотрение, сочтя, что «рукопись издана

© Вера Проскурина, 2022
Пушкинский кабинет ИРЛИ

DOI 10.31860/0236-2481-2022-36-147-169

быть не может по причине многих неприличных выражений на счет Петра Великого».[1]

Стихотворение «Пир Петра Первого» завершало «петровский текст» и одновременно «открывало» «Современник», будучи напечатано на первых страницах первого тома журнала в качестве своеобразного «посвящения» журнала Николаю I. «Пир», по всей видимости, был написан во второй половине декабря 1835 года.

Этот текст принято интерпретировать как своеобразный финал той линии политических манифестов, в которых поэт «милость к падшим призывал», то есть так или иначе, в своеобразной поэтической парадигме, обращался к власти в связи с осужденными декабристами. По традиции, идущей от «Стансов», Пушкин — говоря о Петре Великом — подразумевал Николая I, и сама поэтическая аналогия должна была служить неким «уроком» — политическим советом или, скорее, пожеланием, высказанным от лица первого поэта России, выдвинутого на такую роль самим правителем. Контекст создания стихотворения, как и сам смысл этого последнего поэтического обращения к Петру I при ни разу не упомянутом императоре Николае I (но после «Стансов» неизбежно подразумеваемом) нуждается в существенной корректировке.

Исследователи этого пушкинского текста всегда оказывались согласны в одном — «Пир» был написан в связи с «милостью» Николая I в отношении сосланных декабристов. Указ от 14 (26) декабря 1835 года, опубликованный в петербургских газетах в начале января 1836 года, был выпущен в знак «благополучного окончания ныне исполнившегося десятилетия» царствования Николая и в качестве «нового опыта милосердия».[2] В советское время принято было радикализировать пушкинское «вольнолюбие», считать неизменными политические симпатии поэта — вплоть до 1836 года.[3] Историки фокусировались на самой аллюзионной строфе стихотворения, усматривая именно здесь «урок государственной мудрости, нравственно-этическую заповедь»:[4]

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину

---

[1] *Незеленов А. И.* Новые отрывки и варианты сочинений Пушкина, из рукописей Румянцевского музея // Исторический вестник. 1889. № 3. С. 692.

[2] См.: Северная пчела. 1836. №14. 7 янв. С. 14 (перепечатано из «Санкт-Петербургских ведомостей»).

[3] См.: *Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л., 1982. С. 336—338.

[4] *Малафеев К. А.* «Я думал стихами...»: Историко-документальные очерки о лирических стихотворениях А. С. Пушкина. М., 2004. С. 123—124.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом (III, 409).

Отсутствие точной истории создания (Пушкин пометил текст лишь годом — «1835») побуждало одних исследователей расценивать стихотворение как пушкинский «призыв» к помилованию декабристов, приуроченному или к юбилею восстания, или — по крайней мере — к грядущему 13 июля 1836 года десятилетию со дня вынесения им приговора.[5]

Другая группа исследователей воодушевлялась идеей, «что "Пир Петра Первого" писался *не до издания указа* <...>, *а после* знакомства с указом в конце 1835 года» и что — таким образом — в самом тексте «открыто формулировались требования отказаться от мщения осужденным» и вернуть их домой; то есть все стихотворение являлось «острополитическим уроком Николаю I».[6]

Исследователей приводило в недоумение, каким образом стихотворение, в котором Пушкин «в лоб» напоминал «жалкому и мстительному» Николаю о его великодушном предке, прошло цензуру почти без придирок.[7] Показательно, что и современные авторы оказываются в плену так называемой «вольнолюбивой» парадигмы Пушкина. Так, Л. С. Салямон пишет: «И "Пир Петра Первого" не призывает царя к милосердию (как иногда кажется), а подчеркивает истинное великодушие Петра в противовес фиктивным милостивым жестам. "Пир Петра Первого" содержит укор императору Николаю...»[8]

Анализ «Пира Петра Первого» как очередного урока царю подкреплялся опубликованным М. И. Гиллельсоном отзывом на стихотворение, принадлежащим генерал-лейтенанту Л. И. Голенищеву-Кутузову, переводчику, картографу, морскому офицеру и другу А. С. Шишкова. Л. И. Голенищев-Кутузов в своем дневнике 14 апреля 1836 года сделал запись:

---

[5] См.: *Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 237—238.

[6] *Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). С. 336.

[7] См.: Последний год жизни Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники / Сост. и вступ. ст. В. В. Кунина. М., 1988. С. 14—15.

[8] *Салямон Л. С.* О мотивах переложения Пушкиным оды Горация «Exegi monumentum...» // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 144.

Ce qu'on attendait avec impatience vient de paraître, le Contemporain (Современник) de Пушкин, et dès la première page on y voit son cachet; Пир в Петербурге, il raconte en vers très harmonieux une fête qu'a donné Pierre le Grand non pour célébrer une conquête, une victoire, la naissance d'un prince ou le jour de nom de l'impératrice, mais pour célébrer le pardon, qu'il vient d'accorder à des coupables et qu'il embrasse — les vers sont à la Пушкин, des expressions qui lui sont propres <...>. Sans parler des vers, c'est l'idée qui est délicieuse, *c'est la leçon qu'il veut donner à notre cher et auguste maître* — point d'avant-propos, ni d'avant-scène, point de dédicace, le livre commence par cette pièce de vers qu'on aurait pu tout aussi bien situer au milieu, c'est au commencement et voilà ce qui le caractérise...[9]

Комментируя свою публикацию, Гиллельсон подтверждал приведенным суждением неизменность пушкинского «вольнолюбия» вплоть до 1836 года:

...самое ценное в отзыве Л. И. Голенищева-Кутузова заключается в ясном понимании того, что стихотворение «Пир Петра Первого» своим содержанием, а также тем, что оно было помещено в начале первого номера журнала, — это урок царю. Итак, от надписи «урок царям» на портрете Лувеля, убийцы герцога Беррийского, сделанной поэтом в 1820 году, до урока царю в стихотворении «Пир Петра Первого» — таков неуклонный путь свободомыслия Пушкина.[10]

Однако Гиллельсон, как представляется, не совсем точно проинтерпретировал мнение автора дневника. Никто из исследователей не задумывался о том, что этот написанный по-французски отклик на стихотворение принадлежал консерватору, близкому власти и да-

[9] *Гиллельсон М. И.* Отзыв современника о «Пире Петра Первого» Пушкина // Временник пушкинской комиссии. 1962. М.; Л., 1963. С. 50—51; перевод: «Наконец появилось то, что ожидалось с таким нетерпением, — "Современник" Пушкина, и с первой же страницы чувствуется отпечаток его духа; Пир в Петербурге повествует в гармоничнейших стихах о пире, устроенном Петром Великим не в честь победы и торжества, рождения наследника или именин императрицы, но в честь прощения, оказанного им виноватым, которых он обнимает, — стихи звучат по-пушкински, выражения, свойственные ему. <...> Не распространяясь уже о стихе, сама идея стихотворения прекрасна, это урок, преподанный им нашему дорогому и августейшему владыке, — без всякого вступления, предисловия или посвящения, журнал начинается этим стихотворением, которое могло быть помещено и в середине, но оно в начале, и именно это обстоятельство характеризует его...» (*франц.*; курсив наш. — *В. П.*).

[10] Там же. С. 51.

лекому от всякой оппозиционности. О каком уроке «нашему дорогому и августейшему владыке», как именует он Николая, идет речь? Само слово «la leçon» здесь означает не «укор» или «упрек»: невероятно, чтобы такой лояльный власти человек приветствовал пушкинские «укоры» царю. Французское выражение «donner la leçon» не равно выражению «faire la leçon», что означало «отчитывать», «читать мораль». «Donner la leçon» — это скорее «давать (или представлять) образец, пример», и здесь Пушкин получает положительную оценку старого моряка за удачный пример. Военные, морские подвиги Петра I, широкое празднование побед, простота в помиловании своих сподвижников — это те идеальные модели поведения, присущие как Петру I, так и — по традиционной аналогии — Николаю Павловичу. Голенищев-Кутузов разглядел здесь удачный комплимент, тонкую и гармоничную похвалу, а не укор, призыв или какое-либо требование.

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Стихотворение Пушкина отнюдь не являлось очередным «вольнолюбивым» идеологическим текстом, содержащим критику власти или какое-либо противопоставление двух царей в пользу первого. Напротив, оно имело очевидный комплиментарный характер, служило «посвящением» журнала императору Николаю I. Пушкин не открыл бы только что разрешенный царем журнал «укором» в недостаточности милосердия к декабристам.

Прежде всего, поэт — как и все его окружение — отнюдь не считал «куцей амнистией» указ, изданный в связи с десятилетием декабристского восстания. Согласно этому указу от 14 (26) декабря 1835 года, срок для первой категории «государственных преступников» — 15 лет каторжных работ — сокращался до 13 лет, а указанные во второй категории немедленно освобождались от каторги и отправлялись на поселение. Отдельным — третьим — пунктом оговаривалась особая милость, явленная В. К. Кюхельбекеру великим князем Михаилом Павловичем, жест особо значимый по отношению к покушавшемуся на него преступнику. Лицейский однокашник Пушкина освобождался из крепости Свеаборг и переводился на поселение в городок Баргузин под Иркутском.

Для Пушкина, хлопотавшего о перемене участи и об издании сочинений Кюхельбекера,[11] это была большая победа. Уже в конце

[11] См.: *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1833 году: Хроника. М., 1994. С. 229—230.

декабря 1835 года поэт знал о судьбе Кюхельбекера, о чем 26 декабря сообщал П. А. Осиповой, с которой виделся во время своей недавней поездки в Михайловское:

> L'Empereur vient d'accorder la grâce de la plupart des conspirateurs de 1825, entre autres à mon pauvre Кюхельбекер. По указу должен он быть поселен в южной части Сибири. C'est un beau pays, mais je le voudrais savoir plus près de nous; et peut-être lui permettra-t-on de se retirer sur les terres de Mme Glinka, sa sœur. Le gouvernement a toujours eu pour lui de la douceur et de l'indulgence.
>
> Quand je songe que 10 ans sont écoulés depuis ces malheureux troubles, il me paraît que j'ai fait un rêve. Que d'événements, que de changements en tout, à commencer par mes propres idées — ma situation, etc., etc. (XVI, 68)[12]

Письмо, безусловно, писано с учетом перлюстрации: поэт не только политкорректно определяет восстание декабристов как «несчастное возмущение», а самих декабристов называет «заговорщиками». Он также чрезвычайно умело благодарит государя за его «милость» и высказывает — почти открыто — просьбу о разрешении Кюхельбекеру поселиться в имении сестры — Ю. К. Глинки. Указывает он и на перемены его собственных мнений — и здесь дело было не только в нарочитой демонстрации лояльности.

Распространенное в советском литературоведении представление о «куцей амнистии» 1835 года является исторической аберрацией. В обществе известие о смягчении судьбы декабристов было воспринято позитивно. Так, например, адресат пушкинского письма П. А. Осипова отвечала 18 января 1836 года, что письмо поэта «заставило» ее «испытать чувство теплой радости», что для нее это «добрая весть об облегчении участи несчастных ссыльных», что она просит подтверждения радостному событию, в которое до конца не верит (XVI, 71, 376; оригинал по-франц.).

---

[12] Перевод: «Государь только что оказал свою милость большей части заговорщиков 1825 г., между прочим и моему бедному Кюхельбекеру. <По указу должен он быть поселен в южной части Сибири.> Край прекрасный, но мне бы хотелось, чтобы он был поближе к нам; и, может быть, ему позволят поселиться в деревне его сестры, г-жи Глинки. Правительство всегда относилось к нему с кротостью и снисходительностью.

Как подумаю, что уже 10 лет протекло со времени этого несчастного возмущения, мне кажется, что все я видел во сне. Сколько событий, сколько перемен во всем, начиная с моих собственных мнений, моего положения и проч., и проч.» (*франц.*; XVI, 376).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Как раз в эти последние дни декабря 1835 года Пушкин подает А. Х. Бенкендорфу бумагу с просьбой разрешить издание журнала — и 10 января 1836 года получает положительный ответ. В последние годы жизни Пушкин гораздо ближе к императорскому двору, чем это принято видеть, особенно в советском литературоведении. Он «почти» придворный историограф, занятый написанием «Истории Петра», и царь не отказывает поэту ни в финансовой помощи, ни в издательских предприятиях. Пушкин в дружеских отношениях с образованной великой княгиней Еленой Павловной, а с ее супругом, почти ровесником, великим князем Михаилом Павловичем поэт имел несколько важных бесед. Одна из них — 22 декабря 1834 года — касалась декабристов, положения дворянства и отношений с аристократией. Пушкин записывал в своем дневнике: «Я успел высказать ему многое. Дай бог, чтобы слова мои произвели хоть каплю добра!» (XII, 335). Вполне возможно, что именно тогда Пушкин мог намекнуть об изменении приговора Кюхельбекеру.

Михаил Павлович уже был связан своей первой милостью с Кюхельбекером: благодаря его вмешательству в 1826-м смертная казнь осужденному по первому разряду, как покусившемуся на жизнь члена царской семьи, была заменена на каторжные работы (вместо них — заключение в Динабургской крепости, а с 1831-го — в крепости Свеаборг). В указе особое милосердие великого князя по отношению к Кюхельбекеру, едва не ставшему убийцей брата царя, для Пушкина было чрезвычайно важно. Этот указ расценивался Пушкиным отнюдь не как «куцая амнистия», а как благородный акт, в котором сам поэт сыграл какую-то роль, как предмет и его гордости. Весной 1836 года Пушкин посылает Кюхельбекеру первый том «Современника», вынашивает планы по привлечению его к сотрудничеству в журнале.[13]

«ПИР ПЕТРА ПЕРВОГО»: ПОЛИТИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Во второй половине января 1836 года «Пир» был, по всей видимости, отправлен к цензору: указание на цензурное вмешательство позволяло уточнить завершение работы над текстом. На очередную литературную субботу у Жуковского 8 февраля 1836 года Пушкин, по свидетельству очевидцев, пришел в крайне раздраженном состоянии, поскольку цензор «Современника» А. Л. Крылов

[13] См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1999. Т. 4. С. 454.

не позволил печатать строчку «чудотворца-исполина чернобровая жена», относящуюся к Екатерине I.[14] Сам рассказ об этом эпизоде был записан Н. И. Иваницким со слов А. А. Краевского, активного помощника Пушкина в издательско-типографских делах «Современника», а потому весьма осведомленного. Что же не понравилось цензору в этих строках:

Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена? (III, 409)

Сам эпитет «чернобровая» — державинского происхождения. Так, например, этот эпитет встречается у Державина в стихотворении «Разные вина» (1782): «За здравье выпьем чернобровых...»; в оде «На счастие»: «С красоткой чернобровой рядом...» (1789); в послании «К Н. А. Львову» (1793): «Моя подруга черноброва...».[15]

Вероятно, строки показались слишком фамильярными по отношению к Екатерине I и слишком вольными по отношению к самому Петру I, названному «чудотворцем-исполином», то есть уподобленному, с одной стороны, христианским чудотворцам, а с другой — библейским падшим ангелам (строки о «кумире на бронзовом коне» в «Медном всаднике» не прошли цензуру у самого государя).

Пушкину каким-то образом удалось отстоять эту строку: 31 марта 1836 года первый номер «Современника» был подписан цензором Крыловым к печати. Не исключено, что поэту пришлось напрямую обратиться к Николаю для разрешения цензурного конфликта. Характерно, что нет никаких цензурных материалов по поводу прохождения по «инстанциям» этой строчки, не возникает никаких упоминаний в переписке поэта и его окружения. Всё это может говорить в пользу версии о том, что взбешенный цензором Пушкин нашел способ добиться отмены цензурной купюры непосредственно у его величества.

Скорее всего, Николай I получил в феврале–марте это стихотворение и дал согласие на публикацию: польза от завуалированного,

[14] Автобиография Николая Ивановича Иваницкого // Щукинский сборник. М., 1909. Вып. 8. С. 323. Требуется исправить многократно повторяемую неточность: рассказчиком этой истории являлся А. А. Краевский, а не Никитенко (см., например: *Абрамович С. Л.* Пушкин. Последний год: Хроника: Январь 1836 — январь 1837. М., 1991. С. 77).

[15] *Державин Г. Р.* Стихотворения. Л., 1933. С. 142, 162, 343 («Б-ка поэта». Большая сер.).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

но понятного читателям «уподобления» его самого великому «пращуру» была важнее словесной придирки. Видимо, тогда же возникла и идея военно-морского парада в подражание параду Петра.

Пушкин в своем стихотворении ни разу не упомянул Николая, однако параллелизм двух фигур «Петр I — Николай I» был задан сложной интертекстуальной игрой. Поэт не случайно открыл свой журнал этим стихотворением, написанным — как представляется — в традициях Державина и его «забавных» од, остраняющих династический восторг за счет сниженного стилевого регистра. Как указал П. М. Бицилли, форма «Пира Петра Первого» внушена началом «Шествия по Волхову Российской Амфитриты» (1810):[16]

Что сияет от заката
В полнощь полудневный свет?
Средь багряна стекляна злата
Кто по Волхову плывет?
<...>
Посидон-ли с Амфитритой
Озирает ход то рек?
<...>
Иль Прекраса перевозит
В Выбутск Игоря в ладье...
<...>
Нет, — не древних див картина
Удивляет смертных взгляд;
Шествует Екатерина
Со Георгом в Петроград![17]

Ср. с пушкинским текстом:

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
<...>
Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,

[16] См.: *Бицилли П. М.* Державин — Пушкин — Тютчев и русская государственность // Сборник статей, посвященных П. Н. Милюкову. 1859—1929. Прага, 1929. С. 355.

[17] *Державин Г. Р.* Соч. / С объяснительными примеч. Я. К. Грота. СПб., 1866. Т. 3. С. 37—38.

День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну... (III, 408—409)

Цепочка вопросов в обоих стихотворениях обрывается отрицанием «нет», создающим ритмическую остановку и — одновременно — кульминацию лирического сюжета, за которой следует развязка-«объяснение». Стихотворение Державина было написано в 1810-м и напечатано в следующем году в составе статьи «Рассуждение о лирической поэзии» в «Чтении в Беседе любителей русского слова». Оно посвящено водному путешествию из Твери в Петербург великой княгини Екатерины Павловны и ее супруга Георга Ольденбургского. Здесь для Пушкина важны были все детали — архетипическое описание постепенного появления Петербурга при взгляде с корабля, со стороны Невы и Волхова, создающее своеобразный «петербургско-невский» лирический текст, написанный четырехстопным хореем:

Петрополь встает на встречу,
Башни всходят из-под волн.
<...>
Вижу, Севера столица
Как цветник меж рек цветет, —
В свете всех градов царица,
И ея прекрасней нет![18]

Важно было и то, что стихотворение — в державинском «забавном» слоге — славословило весь императорский дом — и Александра I (он потрясает «рогатую Луну», то есть Турцию), и Марию Федоровну, известную своей благотворительностью («Но всех лучше украшений / Милосердья алтари»),[19] и будущего сына великой княгини, даже уже давно покойную Екатерину II: совпадение имен великой княгини и державинской «Фелицы» вызывает восторженно-удивленные и одновременно шутливые строки:

[18] *Державин Г. Р.* Соч. Т. 3. С. 39.

[19] Там же. С. 41. За «Пиром...» в «Современнике» следовала статья П. А. Плетнева «Императрица Мария», посвященная благотворительной деятельности Марии Федоровны, — она упомянута была и у Державина: «Мариной рукой» сеются благие дела.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Как? гласит: Екатерина!
Вновь мне блещет божество?
Имя, весть о ней едина —
Мне восторг и торжество![20]

Наконец, Державин открыто славословит всю императорскую династию:

Вижу дом весь благодатный,
Братьев, сестр — божеств собор.[21]

Этот державинский контекст присутствует в стихотворении Пушкина. Между тем ориентация на державинские комплиментарные оды в «забавном слоге» составляла только часть показательной риторической формы, которая — вместе с размером, четырехстопным хореем, — образовывала своеобразную поэтическую рамку, куда помещался комплиментарный, но не льстивый — игровой — слой.

Однако этим слоем содержание пушкинского стихотворения не исчерпывалось. В «Пире» — суггестивный, интертекстуальный дискурс, отсылающий к ряду иных текстов. Прежде всего (и это самое очевидное), «Пир» Пушкина содержит переклички с думой Рылеева «Петр Великий в Острогожске» (1823): написан тем же размером и так же включает цепочку риторических вопросов.[22] Пушкинское противопоставление старого «деда» (ботика Петра) и «внуков» (юный флот) также соотносится с текстом Рылеева.

Рылеев:

Где, плененный славы звуком,
Поседевший в битвах дед
Завещал кипящим внукам
Жажду воли и побед...[23]

Пушкин:

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,

---

[20] Там же. С. 38.

[21] Там же. С. 41.

[22] См.: *Архангельский А.* В тоске по контексту // Вопросы литературы. 1989. № 7. С. 73—74. Однако в таком широком контексте размываются контуры пушкинского «послания», и «Пир...» приобретает характер еще одного «петербургского текста».

[23] *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1971. С. 164. («Б-ка поэта». Большая сер.).

И пошел навстречу деда
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь Науки
Песен хор и пушек гром? (III, 408)

Пушкин хорошо знал этот текст Рылеева; в письме к Рылееву от последних чисел мая 1825 года он писал: «Окончательные строфы *Петра в Остр<огожске>* чрезвычайно оригинальны» (XIII, 175). Две строки из запомнившихся последних строф Пушкин процитировал и затем исключил — из цензурных опасений — из первой главы «Путешествия в Арзрум», напечатанного в том же первом томе «Современника», по соседству с «Пиром Петра Первого». Описывая отъезд из Новочеркасска в Тифлис, «переход от Европы в Азию», Пушкин приводит цитату из этой же думы Рылеева:

Кобылиц неукротимых
Гордо бродят табуны (VIII, 446).

«Пир» соотносится также с «Медным всадником»: читатель «Пира» мог ознакомиться с референтным текстом — текстом Вступления к поэме «Медный всадник» — по публикации в «Библиотеке для чтения»,[24] где это Вступление было озаглавлено «Петербург. Отрывок из поэмы» и напечатано с купюрой, относящейся к царицам:

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфироносная вдова (V, 136).

В тексте «Пира» «пальба и клики» на Неве связаны с победами или очередными родами супруги Петра Екатерины I, произведшей на свет восьмерых детей. Здесь есть отсылка к вступлению к поэме «Медный всадник», где следующие строки прямо адресовались Николаю и его многорожавшей супруге Александре Федоровне:

Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,

[24] Библиотека для чтения. 1834. Т. 7. №12. Отд. I. С. 117—119.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Когда полнощная царица
Дарует сына в царской дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует... (V, 137)

Сближение идет и по линии военных побед: «пальба» из пушек совершается и по этому случаю. При этом в «Медном всаднике» Пушкин легко перекидывал ассоциативный мостик от побед Петра к победам современным, уже относящимся к Николаю: «"Победу над врагом Россия с н о в а торжествует" может относится только к цепи побед 1827—1831 гг.»[25]

В «Пире», как и в «Медном всаднике», также речь идет и о военных победах, по случаю которых на Неве «пальба и клики»:

Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг? (III, 408)

Подобно прозрачным ассоциациям в «Медном всаднике» — эти «милитаристские» строки Пушкина в «Пире» намекали одновременно и на петровские успехи, и на военные победы новейших времен.

КОНЕЦ «ИСТОРИИ ПЕТРА»

Пушкин, как известно, «со страхом и трепетом» приступил к чтению материалов по истории Петра, как сообщал в 1834 году М. П. Погодину, которого он первоначально пытался привлечь к совместной работе над архивными материалами петровского времени. Погодин в 1831 году читал свою трагедию «Петр I» Пушкину и Жуковскому, одобрившим сочинение. Однако трагедия Погодина была запрещена Николаем не только к постановке на сцене, но и к публикации. В конце 1831 года Николай вынес строгий вердикт пьесе о Петре: «Лице императора Петра I должно быть для каждого русского предметом благоговения и любви; выводить оное на сцену было бы почти нарушение святыни, и посему совершенно неприлично. Не дозволять печатать».[26]

---

[25] *Пумпянский Л. В.* Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 167.

[26] [*Стасов В. В.*] Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. 1903. № 2. С. 315—316.

Петр Первый воспринимается Николаем как сакральная фигура, почти «святыня». Император любил, когда его называли новым Петром Великим — здесь была не просто человеческая симпатия или государственное уважение. Фигура «пращура» воспринималась Николаем — через голову всех прежних императоров и императриц — как прямая мессианская связь между великим «предком» и достойным его «потомком». Икону, принадлежавшую Петру, Николай всегда возил с собой. А. О. Смирнова-Россет в «Автобиографических записках» вспоминала: «Государь знал все 20-ть томов Голикова наизусть и питал чувство некоторого обожания к Петру. Образ Петра, с которым он никогда не расставался, был с ним под Полтавой, этот образ был в серебряном окладе, всегда в комнате императора до его смерти».[27]

Интенсивная работа над «Историей Петра» продолжалась Пушкиным в течение 1835 года. «С генваря очень я занят Петром» (XII, 336) — помета Пушкина в дневнике от февраля 1835 года. Конспект по хронологии событий за 1725 год отмечен двумя датами: 14 декабря <1835> в начале и 15 декабря <1835> в конце. Таким образом, работа, основанная на выписках и переосмыслении книги И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» (издание Н. И. Новикова 1788—1797 гг.), была остановлена в середине декабря 1835 года.[28]

Скорее всего, около этого времени и был написан «Пир Петра Первого». Важно было то, что к моменту написания текста «Пира» Пушкин уже окончательно разошелся с Николаем в оценке Петра I. «История Петра», хотя и состояла из конспектов Голикова, содержала выразительные и отнюдь не комплиментарные комментарии Пушкина. Негативные оценки усиливались в описании последнего десятилетия. Так, в конспектах за 1714 год: «В сие время издан тиранский же указ о запрещении во всем государстве каменного строения под страхом конфискации и ссылки» (X, 209). В записях за 1718 год: «18-го августа Петр объявил еще один из тиранских указов: под смертною казнию запрещено писать запершись. Недоносителю объявлена равная казнь» (X, 247). 22 декабря того же года Пушкин приводит указ о надворных судах, который он называет «трогательным, хотя и с примесью обыкновенной жестокости» (X, 252). Наиболее известная фраза, удаленная Жуковским в 1840 году при попытке получить разрешение на публикацию, звучала не менее критично: «Достойна удивления разность между государствен-

[27] *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 199. («Лит. памятники»).

[28] См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 4. С. 366.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые *нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом*» (X, 256).

Во время поездки в Москву в мае 1836 года для работы в архивах Пушкин неоднократно выражает свое разочарование в фигуре первого императора России. В разговоре с М. С. Щепкиным (частым гостем в семействе П. В. Нащокина, у которого поэт остановился в Москве) Пушкин высказывается по поводу своей работы над историей Петра: «Вот что мне самому сказал Пушкин: “Я разобрал теперь много материалов о Петре и никогда не напишу его истории, потому что есть много фактов, которых я никак не могу согласить с личным моим к нему уважением”».[29] А. В. Никитенко, посетивший 20 января 1837 года «литературную среду» П. А. Плетнева, передавал суждения Пушкина о Петре: «Вечер провел у Плетнева. Там был Пушкин <...>. Он сознавался также, что историю Петра пока нельзя писать, то есть ее не позволят печатать».[30] О разочаровании Пушкина позднее свидетельствовал и М. П. Погодин:

> Нам остается говорить о личном характере Петра I. В последнее время легло на его память много темных пятен, вследствие вновь открытых документов, принадлежавших до сих пор к государственным тайнам. Еще Пушкин, начав заниматься собиранием материалов для истории Петра, говорил мне, что при ближайшем знакомстве Петр теряет, а Екатерина выигрывает.[31]

Показательно, что к 1836 году на самых верхних этажах власти уже тоже не верили в успех пушкинского предприятия и не разделяли его взгляда на фигуру императора. Андрей Карамзин, поправлявший здоровье в Баден-Бадене, сообщал своим родным (письмо от 10/22 декабря 1836 года) о состоявшемся там разговоре с великим князем Михаилом Павловичем:

> Я рассказал ему историю Чедаева, она привела нас к цензуре, оттуда — к Пушкину и наконец к Петру Великому. Вы знаете, что это для них всех <т. е. для царской семьи> божество, что же касается меня, то я обратного мнения. Он утверждал, что Пушкин недостаточно воздает должное Петру Великому, что его точка зрения

[29] *Щепкин М. С.* Жизнь и творчество. М., 1984. Т. 2. С. 341.
[30] *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. [Л.], 1955. Т. 1: 1826—1857. С. 193.
[31] *Погодин М. П.* Петр Первый и национальное органическое развитие. М., 1863. С. 16.

ложна, что он рассматривает его скорее как сильного человека, чем как творческого гения; и тут, со свойственной ему легкостью речи, он начал ему панегирик, а когда я приводил в параллель императрицу Екатерину II, он посылал меня подальше.[32]

Сын Н. М. Карамзина и племянник П. А. Вяземского, видимо, разделял культивируемую в пушкинском петербургском окружении симпатию к императрице Екатерине и антипатию к жестоким приемам правления Петра Первого. Выразительна реакция Михаила, младшего, «порфирородного» сына Павла: откровенная ненависть по отношению к бабке и возведенная в культ, постоянно демонстрируемая любовь к императору Петру I. Великий князь Михаил (как, скорее всего, и сам император Николай) уже были настроены негативно по отношению к пушкинской «Истории Петра»: разговор А. Н. Карамзина свидетельствует о том, что на самых верхах обсуждали ставшую им известной позицию Пушкина, не увидевшего в Петре гениального творца — но только оценившего грандиозную историческую фигуру. Споры о Петре—Екатерине, как видим, происходили не только в литературно-журналистской среде.

В начале 1836 года Пушкину стала известна рукопись «Записки о древней и новой России» Н. М. Карамзина, написанная по просьбе великой княгини Екатерины Павловны и представленная в 1811 году Александру I. Сочинение содержало серьезную политическую критику не только «древней», но и современной России. Александр не позволил отправить сочинение в печать. Этот политический трактат был случайно обнаружен Жуковским в одном из дворцовых архивов и передан Пушкину для публикации в «Современник». П. А. Вяземский из Санкт-Петербурга сообщал в Москву И. И. Дмитриеву 25 февраля 1836 года о «приятном известии»: «...на днях отыскана здесь (вероятно, известная вам по слуху и которая почиталась доныне пропадшею) *политическая записка о России*, писанная Николаем Михайловичем для Екатерины Павловны».[33]

Однако лишь отрывки записки в очень сокращенном виде увидели свет в 5-м томе «Современника» уже после смерти Пушкина. Здесь были полностью убраны крайне негативные характеристики Петра I (прежде всего — жестокость в борьбе со своим собственным народом), а оставлено лишь комплиментарное введение в обзор

[32] Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л., 1960. С. 372.

[33] Русский архив. 1868. Вып. 4 и 5. Стб. 644. Однако из-за огромного спроса копия Дмитриеву была послана Жуковским лишь в августе 1836 г. (см.: Русский архив. 1866. Вып. 11 и 12. Стб. 1639).

Пушкинский кабинет ИРЛИ

петровского правления: эта публикация на долгие годы исказила восприятие Петра. Пушкин в последний год жизни оказался идейным союзником Карамзина в оценке Петра I.

«ПИР ПЕТРА ПЕРВОГО» И МОРСКОЙ ПАРАД НА НЕВЕ 3 ИЮЛЯ 1836 ГОДА

Рецепция пушкинского стихотворения на государственном уровне имела неожиданный поворот. Император Николай по-своему прочитал «урок», преподнесенный ему поэтом. Первый том «Современника» вышел из печати в первые дни апреля (цензурное разрешение получено 31 марта 1836 года), а 10 апреля 1836 года Николай I подписывает приказ о проведении ремонтных работ ботика Петра I.[34] Ремонт был связан с намерением Николая устроить морской парад по образцу петровского смотра 11 августа 1723 года, когда чествовали «дедушку русского флота», как называли ботик. Открывающее «Современник» стихотворение Пушкина очевидно инициировало развитие и воплощение грандиозного пропагандистского сценария, который был чрезвычайно необходим власти в тот период.

Этот сценарий был спланирован уже и самим Петром I, начавшим подготовку торжественного смотра после успешного окончания войны со Швецией — Северной войны, — закончившейся подписанием Ништадтского мирного договора 1721 года. После долгих месяцев ремонта, переправки ботика в Санкт-Петербург, церемонии встречи был наконец организован 11 августа 1723 года великолепный морской парад, с пальбой из пушек, салютом и пиром по окончании его. Историк флота описывал это событие:

> В августе месяце государь пожелал сделать почетный прием дедушке русского флота среди его взрослых многочисленных внуков. По этому случаю к Котлину собран был флот из 20-ти линейных кораблей и одного фрегата, не считая мелких судов. <...> Днем торжественного приема «Дедушки русского флота» назначено было 11-е августа. Ботик, поставленный в Петербурге на гальот, был, в сопровождении невского флота, перевезен к Котлину и поставлен за военною гаванью. <...> На флоте «Дедушку» приняли согласно вышеприведенному церемониалу, и когда он в 12-м часу, обойдя всю линию кораблей, возвращался назад, то при проходе его на каждом корабле били поход, играли на трубах и люди стояли по

[34] См.: *Курносов С. Ю.* Ремонты и реставрации ботика Петра I // Труды Центрального военно-исторического музея. СПб., 1999. Т. 1. С. 88.

вантам. Когда он вошел в военную гавань, где находился Невский флот, тогда снова раздался салют со всех кораблей, гавани, крепостей и судов Невского флота.[35]

Петр I распорядился повторять парад каждый год в конце августа, но его решение не выполнялось. Дважды Елизавета Петровна в 1744 и в 1745 годах устраивала смотры, но затем ботик был забыт. Лишь в 1803 году во время празднования столетия основания Петербурга вспомнили про петровский ботик. Однако символическое значение церемонии было отодвинуто на задний план, и ботик Петра оказывался лишь малой частью церемонии столетнего юбилея города на Неве:

> При праздновании столетия Петербурга, 16 мая 1803 года, «Дедушка Русского флота» находился на палубе стоявшего на Неве 110-пушечного корабля Гавриил, где почетными стражами были четыре столетние моряка Петровского времени.[36]

Пушкин интересовался этим событием, о котором он сделал заметку в «Истории Петра» под 1723 годом: «10-го же <августа> триумф старого Ботика, дедушки русского флота (см. Голик<ова>, Ломон<осова>, Сумароков<а> etc.)» (X, 277).

Действительно, ломоносовское «Слово похвальное блаженной памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года» наделяет ботик особой символикой: «малый ботик» побудил Петра к «большим» свершениям — строительству флота. Почитание этой старой лодки, найденной Петром в Измайлове и отремонтированной голландским мастером Карштеном Брандтом, сделалось своеобразной «легендой о происхождении» — о рождении русского флота. Об этой лодке писал в 1756 году А. П. Сумароков в своей поэтической надписи «К Ботику»:

> Сей ботик дал Петру в моря ступить охоту.
> Сей ботик есть отец всему российску флоту.
> Под императорским он гербом на водах.
> Се — трон российского Нептуна, Бельту — страх.[37]

После 1803 года на тридцать с лишним лет петровский бот был, казалось, основательно забыт. Неожиданным выглядело реше-

---

[35] *Веселаго Ф. Ф.* Дедушка русского флота. 1688—1872 // Русская старина. 1871. №11. С. 473—474.

[36] Там же. С. 479.

[37] Ежемесячные сочинения. 1756. Июль. С. 67.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ние Николая I провести 3 июля 1836 года морской смотр, в котором ботику отводилась центральная роль. Тем не менее «это торжество по характеру своему было единственным повторением петровского; в обоих случаях знаменитый дед торжественным образом являлся перед своим потомством».[38]

Николай I с удовлетворением сообщал И. Ф. Паскевичу из Петергофа 4 (16) июля 1836 года об успехе задуманной им церемонии:

> Вчера был у нас смотр флоту и честь ботику Петра I-го; на рейде было 26 лин<ейных> кораблей, 14 фрегатов, а всех 80 воен<ных> судов: вид величественный, и все было в примерном порядке. Возил с собой иностранных послов, и, кажется, им понравилось.[39]

Действительно, этот смотр флота произвел впечатление и отразился в донесениях взятых Николаем на борт иностранных послов. Барон де Барант, историк и французский посланник в России с осени 1835 года, давал подробнейший отчет об этом празднике на Неве в письме другому историку и министру иностранных дел Луи-Адольфу Тьеру 16 июля 1836 года:

> 15-го числа Император со всей своей семьею отправился на пароходе в Кронштадт, чтобы сделать смотр своему флоту. <...> Он имел к этому параду совсем особый интерес, который весьма подходит к его характеру. Петр Великий, начав создавать флот в Петербурге и после своих морских побед над шведами, вспомнил, что, будучи еще ребенком, часто плавал по реке возле Москвы на парусном ботике, сделанном в Англии, и что там ему пришла первая мысль создать из России могущественную морскую державу. Он привез из Москвы эту лодку и велел своему флоту воздать ей величайшие почести. В последующее время лодку стали с благоговейным почетом сохранять. Несколько месяцев тому назад я ездил смотреть ее <...>. Император велел ее поправить и выкрасить; через несколько времени ее спустили при пушечной пальбе на Неву, она доплыла до Кронштадта и была взята на палубу парохода «Геркулес». Там ее поставили на разукрашенном помосте, окруженном старыми гренадерами-гвардейцами. «Геркулес», неся эту святыню основателя могущества и величия России, шел впереди парохода, на

[38] *Веселаго Ф. Ф.* Дедушка русского флота. С. 479.
[39] Русский архив. 1897. № 1. С. 18.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

котором находился Император со своей семьей и свитой. Весь флот воздал почести своему «дедушке», как называл Петр Великий этот ботик. Объехав всю линию, Император с Императрицей, всею царскою фамилией и тремя посланниками на лодке, рулем коей он сам управлял, распоряжаясь маневрами, направился к «Геркулесу» и взошел на него, чтобы самому воздать честь ладье Петра Великого. Этот парад, благоприятствуемый прекрасной погодой, был действительно внушителен.[40]

Сцена почитания «святыни» выглядела чрезвычайно показательно — Николай прилежно повторял петровские жесты, изображая того деятельного «мореплавателя», которого описал Пушкин в своих «Стансах». Для Николая Павловича было чрезвычайно важно, что после десятилетий забвения и упадка флота при Александре он всерьез занялся возрождением русского флота. Одним из первых его указов было учреждение 11 декабря 1825 года Комитета для образования флота. Николай I — в особенности в 1830-е годы — ясно ощущал враждебность и непонимание со стороны европейских держав. Понимал он и то, что именно флот снова является главной силой в возможной новой европейской войне.[41]

Дипломаты, присутствовавшие на параде 3 июля 1836 года, тоже ясно прочитали военно-морское «послание» русского императора как нарочитую и даже хвастливую демонстрацию могущества, успехов. Барант именно так интерпретирует весь ход церемонии. Он пристально наблюдает, как Николай небрежно перечисляет успехи своего флота (даже преуменьшая их) в разговоре с английским послом; он детально разбирает и русские опасения относительно сближения Франции с Англией, и причины неприятия Николаем современной Франции, как и Европы вообще.[42]

Что же так внезапно подтолкнуло императора Николая к столь масштабному и пышному празднованию даже не юбилея, не круглой даты со времени парада Петра Великого?

Самым удивительным в истории с ботиком Петра было то, что, как представляется, именно пушкинское стихотворение вдохновило Николая организовать этот показательный сценарий власти. Связь торжества с пушкинскими стихами весьма проницательно почувствовали в редакции «Северной пчелы», где в огромной, подробной — на три страницы — статье, открывающей номер, было опи-

[40] Русский архив. 1896. № 2. С. 243.

[41] См.: *Зотов Р.* Тридцатилетие Европы в царствование императора Николая I. СПб., 1857. Ч. 1. С. 34.

[42] Русский архив, 1896. № 1. С. 122, 127.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

сано невиданное событие: «3-го сего Июля происходило торжество, какого не бывало у нас сто тринадцать лет, — это было *торжественное шествие ботика Петра Великого мимо Балтийского флота*».[43] Поразительны были и лирические зарисовки о пальбе, развевающихся флагах и криках на Неве, о пире — торжественном обеде, состоявшемся после парада. Давая описание торжественного парада, устроенного Николаем, автор статьи (возможно, сам Ф. В. Булгарин) сначала парафразирует, а затем приводит прямую цитату из стихотворения Пушкина:

> Государю Императору благоугодно было воздать честь творцу Русского Флота, новым торжественным шествием бессмертного его ботика, мимо *юного русского Флота*, какому подобного, числом, силою и устройством судов, не бывало еще на Кронштадтском рейде.[44]

Ср. с «Пиром Петра Первого»:

> И пошел навстречу деда
> Всей семьей *наш юный флот*...
> (III, 408; курсив наш. — *В. П.*).

Автор статьи проявил замечательную тонкость как в знании и понимании имперской символики, так и в рецепции пушкинского текста с его невысказанной, эмфатической параллелью «Петр I — Николай I». Пушкинская фраза о «нашем юном флоте» могла бы озадачить читателя своей абсурдностью — русскому флоту, как и подчеркивало упоминание «дедушки русского флота», более ста лет. Однако «Северная пчела» прояснила и развила эти строки Пушкина: флот назван «юным», поскольку он был как бы заново создан Николаем. Предок завещал — Николай исполнил и превзошел начинания Петра, поскольку «подобного, числом, силою и устройством судов, не бывало еще на Кронштадтском рейде». Этот образ юного флота развивал и дополнял нужными имперскими коннотациями лаконичные пушкинские стихи.

Определенным подтверждением связи «Пира» Пушкина и морского парада может служить стихотворение Семена Стромилова «3 июля 1836 года» («Опершись на грудь пучины...»), напечатанное в третьем томе «Современника». Московский поэт, видимо, из газет почерпнул сведения о торжественной церемонии приветствия

[43] Северная пчела. 1836. № 154. 9 июля. С. 613; курсив источника.
[44] Там же; курсив наш. — *В. П.*

ботика: не исключено, что именно статья «Северной пчелы», детально описывающая весь парад, послужила источником для создания этого стихотворения. С другой стороны, «*3* июля 1836 года» откровенно использовало сюжет, риторичесие вопросы, композицию и метр пушкинского «Пира Петра Первого». Подражая Пушкину, Стромилов вводил прямые заимствования из текста «Пира», для наглядности выделяя их курсивом:

Нет! то мирными рядами
Внуки к *деду* собрались,
И обнявшись парусами,
Деда здравствовать стеклись.[45]

Без сомнения, Пушкин увидел здесь подражание собственному тексту, однако вряд ли дело заключалось в литературной игре.[46] Морской парад 3 июля 1836 года был, пожалуй, крупнейшим церемониалом со времени открытия Александровской колонны в 1834 году. Стихотворение Стромилова хоть и неуклюже, но «отметило» событие, имевшее большое значение для самого императора. Символическое значение церемонии с ботиком Петра определила та же «Северная пчела»:

> На ботике поднят был штандарт, и вдруг загремела пальба изо всех кораблей и с крепости. Картина восхитительная и единственная! Прекрасный, могучий флот Российский, с выражением искренней благодарности, славит громом орудий память своего Основателя, и пред флотом Преемник Петра Великаго, с справедливым чувством величия и достоинства Своей Державы, в сердце своем отдает тени бессмертного Предка отчет в том, что дела и начинания Его поняты, довершены и исполнены.[47]

Церемониал с ботиком Петра сделался своего рода подведением итогов десятилетнего правления Николая I. Здесь вполне официально была провозглашена прямая параллель: император Николай — это «преемник» Петра Первого, получивший легитимность

---

[45] Современник. 1836. Т. 3. С. 258. Пушкинский подтекст этих стихов — впрочем, весьма откровенный — отмечен в статье: *Архангельский А.* В тоске по контексту. С. 82—83.

[46] См.: *Куц Н. В.* К вопросу о литературном эпигонстве в 1830-е годы: С. И. Стромилов и А. С. Пушкин // Труды молодых ученых: Сб. статей. М., 2020. Вып. 2. С. 184—185.

[47] Северная пчела. 1836. № 154. 9 июля. С. 614—615.

напрямую, минуя все смуты и неувязки легитимности 1825 года. Если Петр I — «Основатель», то Николай оказывался «завершителем» в образовании могущества российского флота (а с ним — и могущества вообще).

Этот парад и стихотворение Стромилова служат выразительным примером того, как воспринималось стихотворение Пушкина «Пир Петра Первого» внутри исторического контекста 1836 года. «Декабристский» подтекст не был прочитан — и не этот пласт ассоциаций был выдвинут вперед. Стихотворение Стромилова — своими цитатами из Пушкина — связало «Пир Петра Первого» с реальным июльским церемониалом. Символическая проекция пушкинского текста воплотилась в реальность николаевского торжества, и именно этот «урок» был извлечен властью из текста поэта.

Вера Проскурина

АФРИКАНСКИЙ ЭПИЗОД БИОГРАФИИ ВНУЧКИ ПУШКИНА Е. А. РОЗЕНМАЙЕР

Внучка А. С. Пушкина Елена Александровна Розенмайер известна главным образом благодаря своим заявлениям о том, что у нее хранился неизвестный исследователям дневник Пушкина. В 1923 году, проживая в Турции, она предлагала пушкинистам А. Ф. Онегину и М. Л. Гофману купить у нее личные вещи поэта и его жены, а также «одолжить» ей деньги для поездки в Южную Африку в обмен на право ознакомиться с этой рукописью.[1] В пушкиноведении преобладает мнение, что утверждение Розенмайер о наличии у нее дневника поэта было мистификацией с целью «привлечь больше внимания к продаваемым ею раритетам».[2]

В письмах из Константинополя Розенмайер сообщала Онегину и Гофману, что собирается переехать в Южную Африку, в имение

[1] См.: Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому. Ч. 2 (1922—1926) / Публ. Т. И. Краснобородько // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб., 2009. С. 901—902, 905.

[2] *Галин Г. А.* Дети и внуки Пушкина. М., 2009. С. 257. См. также: *Цявловский М., Цявловская Т.* Вокруг Пушкина. М., 2000. С. 264; *Шальман Е. С.* Пушкин и пушкинисты. «Дневник № 1» // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2004. № 1. С. 125—133; Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому. Ч. 2. С. 813—814.

© Б. М. Горелик, 2022
DOI 10.31860/0236-2481-2022-36-169-177